

Бэйн знал, что должен что-то предпринять. Его положение становилось безнадежным. Он все еще был не в ладах с собой, не способен призвать силу, которую использовал для уничтожения Фогара. Но теперь его слабость получила огласку.

Вчера, во время вечерних тренировок, он подошел к Каз'иму, чтобы договориться о времени индивидуальных уроков, надеясь все-таки сбросить оковы охватившей себя летаргии. Но Мастер клинка отверг его, покачав головой, и обратил внимание на другого студента. Сигнал поняли все: Бэйн уязвим.

Когда студенты после утренних занятий собрались в круге на вершине храма, Бэйн уже знал, что надо будет сделать. Репутация берегла его от вызовов со стороны других студентов. Теперь же от его репутации не осталось и следа. Но он не мог просто сидеть, сложа руки, и ждать, когда один из учеников вызовет его на дуэль и одержит победу. Ему необходимо было перехватить инициативу; необходимо было атаковать. Сегодня он должен быть первым, кто ступит на ринг.

Само собой, если он бросит вызов слабому студенту, все воспримут это как подтверждение изъяна, что он так старательно скрывал. Была единственная возможность искупить себя в глазах школы и преподавателей; был единственный противник, которого он мог вызвать.

Несколько учеников по-прежнему сновали вокруг, пытаясь отыскать место, где можно было без помех наблюдать за утренним действием. Уже вошло в привычку ждать, пока все займут свои места, прежде чем вызов будет брошен, но Бэйн понимал, что чем дольше он выжидает, тем сложнее будет задача. Он смело ступил в центр ринга, ловя любопытные взгляды других студентов. Каз'им смерил его взглядом неодобрения, но Бэйн постарался выкинуть это из головы.

- У меня есть вызов, - объявил он. - Я вызываю Зирака.

Среди студентов раздался возбужденный гул, но Бэйн едва расслышал его за биением собственного сердца. Зирак нечасто сражался в полновесном бою; Бэйн никогда не видел его в действии. Но слышал, как другие студенты говорили о мастерстве Зирака на дуэльном ринге, толкая безумные байки о его непобедимых способностях. С тех пор как забрак повстречался с ним на лестнице, Бэйн наблюдал за своим оппонентом на тренировках, готовясь к этому противостоянию. И судя по тому, что он увидел, раздутые отзывы о его мастерстве были слишком уж точны.

В отличие от большинства студентов, Зирак предпочитал двухклинковый тренировочный меч традиционному одноклинковому. Не считая самого Каз'има, по мнению Бэйна, Зирак был единственным, кто владел экзотическим оружием с такой сноровкой. Неопытному глазу Бэйна его техника виделась едва ли не совершенством. Казалось, он всегда был предельно собран; всегда в наступлении. Даже в простых комплексных упражнениях его превосходство было просто очевидным. Зирак был способен овладеть новой последовательностью всего за несколько дней, в то время как большинству студентов на это требовалось две-три недели. И сейчас Бэйну предстояло сойтись с ним на ринге.

Ответив на вызов, забрак выступил из толпы, двигаясь медленно и грациозно. Только подходя к центру ринга, он уже источал дух угрозы. Приближаясь, он мимоходом помахивал своим оружием: двойные дюрестиловые лезвия высекали в воздухе длинные, неспешные дуги.

Бэйн наблюдал за ним, чувствуя, как ритм сердца и дыхание участились, едва тело высвободило в организм адреналин, инстинктивно подготавливая себя к предстоящему бою.

Однако в противоположность физическому, эмоциональное состояние Бэйна совершенно не изменилось. Он ожидал, что почувствует волны страха и гнева при приближении Зирака - эмоции, от которых он мог бы подпитаться, чтобы прорвать завесу безжизненности и высвободить темную сторону. Но летаргический ступор по-прежнему окутывал его глухим, серым саваном.

- Жаль, что ты не вызвал меня раньше, - прошептал Зирак, так, чтобы только Бэйн мог расслышать. - В первую неделю после смерти Фогара многие считали, что ты мне ровня. Я заработал бы немалый престиж, одолев тебя. Теперь этому уже не бывать.

Зирак остановился всего в нескольких метрах. Его двухклиновый меч по-прежнему неторопливо выплясывал в воздухе. Он двигался как живой, словно животное, предвкушающее охоту, слишком взбудораженное, чтобы оставаться неподвижным.

- Победить тебя сейчас - не слишком большая честь, - произнес он. - Но я получу немалое удовольствие от твоих страданий.

За спиной Зирака Бэйн увидел Ллокая и Йевру, других учеников-забраков, которые проталкивались к переднему краю толпы, чтобы лучше видеть своего покровителя. У брата на лице застыла жестокая ухмылка; у сестры - выражение голодного предвкушения. Бэйн старался не замечать пыла на их алых лицах, позволив им раствориться на фоне серого пейзажа зрителей.

Вся его концентрация была нацелена на изменчивые движения непривычного оружия в руках Зирака. Он пытался запомнить связки, что тот использовал на тренировках. Теперь Бэйн искал информацию, которую могли выдать руки противника - это раскрыло бы то, какую последовательность он планирует использовать для начала боя. Если Бэйн сделает верный вывод, он сможет перейти в контрнаступление и возможно даже закончить битву при первом же выпаде. Это была лучшая возможность победить, но без возможности привлечь Силу шансы на то, чтобы верно угадать избранную врагом последовательность, были очень и очень малы.

Зирак поднял сдвоенный меч над головой, вращая его так быстро, что различить можно было лишь расплывчатое пятно, и ринулся вперед. Один из клинков рубанул свирепым верхним ударом, который Бэйн с легкостью отразил. Но движение было всего лишь уловкой, обеспечившей второму клинку стремительную атаку в поясницу. Распознав маневр в последнюю секунду, Бэйн не смог предпринять ничего другого, кроме как кувыркнуться назад, избегая травмы.

Враг оказался над ним до того, как он поднялся на ноги; двойные лезвия обрушились на него чередованием атак: слева-справа-слева-справа. Бэйн блокировал, перекачивался, изворачивался, и снова блокировал, отражая шквал. Он попытался сделать подсечку, но Зирак предугадал движение и проворно отскочил в сторону, дав Бэйну время, чтобы подняться на ноги.

При следующей атаке Бэйн мог только ретироваться, но не дал Зираку добиться преимущества, отступив и вернувшись к базовым оборонительным последовательностям. Он все еще отчаянно пытался добиться хоть какого-то преимущества, наблюдая за движениями своего противника. На секунду показалось, что Зирак использует удары и выпады Ваапада, самой агрессивной и точной из семи традиционных форм. Но в середине последовательности он внезапно переключился на мощную атаку Джем Со, породив такую силу, что даже блокировка удара заставила Бэйна отшатнуться. Быстрый поворот или вращение оружием, а затем один из двойных клинков вдруг вновь проворачивался под опасным углом, заставляя Бэйна терять

равновесие при парировании удара.

Во время внезапного перерыва дуэлянты постарались пересмотреть свои стратегии. Оба они тяжело дышали. Зирак крутанул оружие в быстрой, сложной последовательности, которая провела меч под его правой рукой, вокруг спины, над левым плечом, и спереди. Улыбнувшись, он проделал то же самое в обратном порядке.

Бэйн наблюдал за экстравагантным росчерком оружия с ощущением полного поражения. Зирак играл с ним в первых нескольких выпадах, затягивая бой, чтобы победа показалась более впечатляющей. Теперь он показывал свое истинное мастерство, используя связи, которые объединяли несколько форм в одну, стремительно переключаясь между различными стилями в составных схемах, которые Бэйн никогда прежде не видел.

Это был еще один признак превосходства забрака. Если Бэйн попытается комбинировать разные стили в единую последовательность, то он, скорее всего, выбьет себе глаз или заедет по затылку. Было ясно - он побежден; единственной надеждой оставалось то, что враг допустит небрежность и сделает ошибку.

Зирак снова бросился в бой, его тренировочный меч двигался столь быстро, что Бэйн слышал шипение рассекаемого им воздуха. Бэйн стремительно подскочил вперед, чтобы принять вызов, попытавшись призвать силу темной стороны для предугадывания и блокирования движений молниеносных двойных клинков. Он чувствовал, как Сила течет сквозь него, но она казалась отдаленной и пустой: вуаль все еще накрывала его. Он смог удержать парализующие острия меча Зирака на безопасном расстоянии, но это потребовало полной концентрации внимания на контроле собственного лезвия... что сделало его уязвимым для реальной атаки, которую против него направили.

Череп Бэйна взорвалась от боли, когда Зирак двинул его лбом. Боль затуманила зрение скоплением серебряных звезд. С тошнотворным хрустом сломался нос, и наружу хлынул поток крови. Ослепленный и ошеломленный, он смог отразить следующий удар, полагаясь только на инстинкт, ведомый лишь слабым нашептыванием Силы. Но когда его меч отклонился, Зирак повернулся и с разворота нанес удар наотмашь, который раздробил колено Бэйна.

Взревев от боли, Бэйн рухнул на землю, едва успев опереться на свободную руку. Зирак придавил его пальцы своим сапогом, вмяная их в твердый камень храмовой крыши. Последовал удар коленом и оглушительный треск раздробленной челюсти.

Последней, отчаянной попыткой Бэйн попытался отшвырнуть противника с помощью темной стороны. Зирак отразил толчок, с легкостью отклонив его щитом Силы, которым окутал себя в самом начале дуэли. Затем он подошел ближе, чтобы завершить все своим оружием. Первый удар подоспел с силой лендспидера, налетевшего на преграду, разбив правое запястье Бэйна. Тренировочный меч вывалился из его внезапно ослабшей хватки. Следующий удар пришелся чуть повыше, и по той же руке, вывихнув локоть.

Незаmysловатый удар по лицу заставил осколки от выбитых зубов высыпаться изо рта, а по разбитой челюсти - пронестись резкой боли. Бэйн тяжело склонился вперед, едва сохраняя сознание, в то время как Зирак отступил, опустил меч, и, вытянув свободную руку, взял Бэйна за горло душащей хваткой Силы. Он поднял руку и легко подхватил мускулистого Бэйна, словно ребенка швырнув его через ринг.

Рухнув на землю, Бэйн почувствовал, как треснула еще одна кость, но он уже перешел в шоковое состояние, и не ощущал больше боли. Он лежал неподвижно побитой, перекошенной

массой. Кровь из носа и рта заливала горло. Приступ кашля сотряс его тело, и он скорее услышал, чем почувствовал скрежет сломанных ребер.

Все вокруг начало тускнеть. Краем глаза он разглядел лишь покрытые пятнами крови сапоги, движущиеся в его сторону, и только после этого сдался на милость темноте.

* * *

Копеж качал головой, изучая план боевых действий, который Каан разложил на импровизированном столе в своей палатке. Голокарта территории Руусана указывала позиции ситов плавающими над поверхностью красными треугольниками. Позиции джедаев представляли зеленые квадраты. Несмотря на сей высокотехнологичный прогресс, остальная часть карты являла собой простое двумерное изображение окружающей топографии. Оно никак не могло передать ту мрачную разруху, которая фактически превратила Руусан в пустошь, разоренную войной.

Три великих битвы флотилий за прошедший год состоялись высоко над этим миром, каждый раз разбрасывая обломки кораблей проигравшей стороны по практически не населенному миру. Опаленные и покоробившиеся остовы, бывшие когда-то судами, падали в буйные леса, вызвая неистовые пожары, которые превратили почти всю поверхности небольшого мирка в испепеленную и бесплодную землю.

Руусан, несмотря на свой невнушительный размер, стал миром первостепенной важности как для Республики, так и для ситов. Стратегически расположенный на краю Внутреннего Кольца, он, что самое главное, находился на рубеже между безопасным и охраняемым Ядром и остальной Республикой. Руусан был символом. Завоевание его ситами означало дальнейшее их наступление и окончательное завоевание Республики; освобождение подразумевало способность джедаев оттеснить захватчиков и защитить граждан Республики. А результатом этого противоборства явился нескончаемый круговорот сражений, в котором ни одна из сторон не желала признать поражения.

Первая Битва при Руусане наблюдала за нахлынувшим флотом ситов, разбившим на голову республиканские силы с помощью элемента неожиданности и могущества боевой медитации Каана. Вторая битва стала свидетелем того, как Республика попыталась вернуть контроль над Руусаном и потерпела поражение, оттесненная превосходящими силами и огневой мощью противника.

Третье сражение в руусанских небесах ознаменовало возникновение Армии Света. Вместо республиканских крейсеров или истребителей, ситы обнаружили, что столкнулись с флотом, собранным в основном из одного или двухместных истребителей, пилотируемых лишь джедаями. Рядовые солдаты, которые скрепляли армию Каана, не могли противостоять Силе, и Руусан был спасен... на время.

Ситы отплатили Армии Света, собрав все Братство Тьмы в единое войско, и обрушив его на Руусан. Война, которая опустошила верхний мир, опустилась и на поверхность, обернувшись еще более разрушительными последствиями. В сравнении с космическими битвами флотилий, наземный бой был куда более жестким, кровавым и ужасающим.

Копеж ударил кулаком по столу.

- Это безнадежно, Каан.

Другие собравшиеся в палатке Повелители согласно забормотали.

- Позиции джедаев слишком хорошо защищены; у них все преимущества, - сердито продолжал Копеж. - Высота, обороняемые укрепления, превосходящие силы. Нам здесь не победить!

- Посмотри еще раз, - ответил Каан. - Войска джедаев слишком разбросаны.

Крупный тви'лек изучил карту более детально и понял, что Каан прав. Периметр джедаев протянулся слишком далеко от их базового лагеря. Ему потребовалось лишь мгновение, чтобы понять из-за чего.

Столкновение между армиями джедаев и ситов, ведомыми Мастерами и Темными Повелителями, потрясло основы мира. Мощь силы необузданно бушевала по полям сражений подобно резонансу от взорвавшейся звезды. Города, деревни, простые дома, подхваченные штормом, были уничтожены, оставив после себя лишь смерть и разрушение. Гражданские, угодившие в кильватер войны, вынуждены были спасаться бегством, став беженцами эпической битвы между поборниками Света и Тьмы.

Видя их страдания, джедаи стремились утешить, поддержать и защитить невинных жителей Руусана. Свою стратегию они планировали, основываясь на защите гражданских поселений и районов, пренебрегая даже собственными ресурсами и тактическим преимуществом. Ситы, конечно же, до подобных уступок не снисходили.

- Сострадание джедаев - слабость, - продолжил Каан. - Та, что мы можем использовать в своих интересах. Если мы сконцентрируем все свои силы в одной точке, то сможем устроить брешь в их рядах. Тогда преимущество будет у нас.

Собравшиеся генералы и стратеги Братства Тьмы согласно закивали. Кое-кто повысил голос, ликуя и изливая поздравления. Только Копеж не пожелал присоединиться к торжеству.

- Армия Света по-прежнему превышает нас вдвое, - напомнил крупный тви'лек. - Их линии может кое-где и растянуты, но мы не знаем, где именно они уязвимы. Они в курсе, что наши разведчики наблюдают за ними, и скрывают свое число, так же как и мы. Если атакуем там, где их численность окажется велика, нас разобьют в пух и прах!

Остальные генералы притихли, не разделяя больше энтузиазма лидера, когда был раскрыт столь заметный изъян в его плане. Вновь послышался ропот разногласий и недовольства. Копеж не обращал внимания на реакцию других Повелителей. Несмотря на всю их силу, несмотря на все амбиции, они были словно скопище бант, слепо следующее за стадом. В теории, все в Братстве Тьмы были равны, но на практике же правил Каан.

Копеж понимал это, и готов был идти за ним. Ситы нуждались в сильном и харизматичном вожде, проницательном человеке, чтобы подавить внутреннюю борьбу, терзающую их ряды. Каан был именно таким лидером, и, кроме того, выдающимся военным тактиком. Но этот план был безумием. Самоубийством. В отличие от остальной толпы, Копеж не собирался следовать за Кааном навстречу верной гибели.

- Ты недооценил меня, Копеж, - вновь заверил его Каан спокойным и уверенным голосом, словно заранее предвидел упрек и уже имел на руках готовый ответ. Возможно, так и было. - Мы не ударим до тех пор, пока не узнаем наверняка, в каком месте они уязвимы больше всего, - пояснил Темный Повелитель. - Ко времени нападения, мы будем знать точное количество и состав каждого взвода и патруля вдоль их периметра.

- Каким образом? - спросил Копеж. - Даже наши умбаранские шпионы-тени не могут дать нам таких подробностей. И не с такой быстротой, чтобы использовать их для составления плана

атаки. Мы никоим образом не можем добыть информацию, в которой нуждаемся.

Каан засмеялся.

- Конечно же, можем. Один из джедаев предоставит ее нам.

Словно по сигналу раздвинулись полы, прикрывающие вход длинной палатки военного штаба, и внутрь ступила молодая женщина-человек в одеждах Ордена джедаев. Она была среднего роста, но это было единственное, что вообще можно было назвать средним. За плечи ей ниспадали густые черные, с блестящим отливом, волосы. Лицо и фигура были превосходным экземпляром человеческих женских форм; светло-медную кожу оттеняли зеленые глаза, тлеющие жаром как угрозы, так и приглашения. Идя мимо толпы Темных Повелителей, она двигалась с гибкой грацией тви'леккского танцора, со скромной улыбкой на губах притворяясь, будто не слышит их изумленного перешептывания.

Копеж в свое время повидал много поразительных женщин. Среди Темных Повелителей женского пола, что собрались в палатке, были прекрасные дамы - знаменитые за невероятную красоту в той же мере, в какой и за огромную силу. Но когда молодой джедай приблизилась, он обнаружил, что не способен отвести от нее глаз. В ней было что-то магнетическое, что-то, что выходило за грань физической привлекательности.

Она высоко держала голову, гордые черты лица бросили безмолвный вызов, когда она подошла. И Копеж разглядел нечто еще: откровенное честолюбие, дерзкое и голодное.

Стоящий рядом Каан прошептал:

- Изумительна, правда?

Она дошла до середины палатки и грациозно опустилась на колени, чуть преклонив голову в знак уважения Каану.

- Добро пожаловать, Гитани, - сказал он, жестом показав ей встать. - Мы ждали тебя.

- Мое почтение, Повелитель Каан, - промурлыкала она.

Копеж почувствовал, как его колени ослабли от этого чувственного голоса, но одернул себя, вновь возвратившись к абсолютному вниманию. Он был слишком стар и мудр, чтобы дать ослепить себя чарам этой женщины. Его заботило лишь то, что она могла предложить им против джедаев.

- У тебя есть для нас информация? - резко спросил он.

Она склонила голову набок и одарила его любознательным взглядом, стараясь отыскать причину такому холодному приему.

После секундной паузы она ответила:

- Я могу сказать вам, где именно следует ударить по их линиям, и когда. Лорд Хот сделал джедая по имени Киел Чарни ответственным за координирование обороны. У меня есть сведения непосредственно от него.

- Зачем этому Чарни делить такие сведения с тобой? - подозрительно поинтересовался Копеж.

Она подарила ему лукавую улыбку.

- Киел и я были... близки. Мы много, что делили. Он бы и представить себе не мог, что я приду с этой информацией к вам.

Копеж прищурился.

- Я думал, джедаи не одобрительно относятся к подобного рода вещам.

Ее улыбка превратилась в презрительную усмешку.

- Джедаи многого не одобряют. Вот почему я пришла к вам.

Каан сделал шаг вперед, и, прежде чем Копеж смог задать новый вопрос, положил хорошо знакомую руку ей на талию, отвернув ее в сторону.

- У нас нет на это времени, Гитани, - сказал он. - Ты должна дать нам отчет и возвратиться в лагерь джедаев до того, как кто-то заметит твою пропажу.

Она сверкнула Каану ослепительной улыбкой и кивнула.

- Конечно. Нам надо поторопиться.

Он вежливо подвел ее к голокарте. Вокруг немедленно столпилась группа стратегов, заслонив Гитани от глаз пока она раскрывала секреты обороны джедаев. Несколько секунд спустя Каан появился из толпы и вновь встал рядом с Копежом.

- Тщеславие, измена - темная сторона сильна в ней, - прошептал тви'лек. - Я удивлен, что джедаи вообще приняли ее к себе.

- Вероятно, они верили, что смогут направить ее к Свету, - ответил Каан, говоря так же тихо. - Но Гитани была рождена для темной стороны. Как я. Как ты. То, что она однажды примкнет к ситам, было неизбежно.

- Выбор времени удачен, - заметил Копеж. - Может, даже слишком. Есть вероятность, что это окажется ловушкой. Ты уверен, что мы можем доверять ей? Думаю, она опасна.

Каан отклонил предостережение легким смехом.

- Как и ты, Повелитель Копеж. Именно это делает тебя таким полезным для Братства.

* * *

Бэйн плавал в невесомости, окруженный темнотой и безмолвием. Казалось, что его несет по течению в черных водах самой смерти.

Потом сознание начало возвращаться. Его тело, вялое от блаженной бессознательности, вздрогнуло в темно-зеленой жидкости бакта-камеры, вызвав поток пузырьков, которые медленно устремились к поверхности. Сердце забилося, и он услышал, как по венам устремилась кровь.

Глаза резко раскрылись, как раз, чтобы разглядеть меддроида, подошедшего отрегулировать что-то в настройках его камеры. Через несколько секунд частота биения сердца замедлилась, а произвольная дрожь контуженных и разбитых конечностей утихла. Но хотя тело и было успокоено транквилизатором, разум Бэйна был теперь в сознании, полный тревоги.

Воспоминания о действиях и боли вспыхивали у него в голове. Виды, звуки, и запахи боя. Он вспомнил приближение запачканных кровью сапог: его кровью. Каз'им, вероятно, вмешался после потери Бэйном сознания, и не дал Зираку добить противника. И потом они доставили его сюда для лечения.

Сначала он был удивлен, что они потрудились помочь ему с выздоровлением. Потом понял что он, как и все студенты Академии, был слишком ценен для Братства, чтобы попросту от него отказаться. Поэтому он выжил... но жизнь его была, по сути, окончена.

Со времени своего прибытия в Академию он трудился только над одной задачей. Вся его учеба, все тренировки, были предназначены для одной-единственной цели: осмыслить и подчинить мощь темной стороны Силы. Тьма должна была принести ему могущество. Славу. Силу. Свободу.

Теперь он будет отщепенцем в Академии. Ему позволят посещать групповые занятия, практиковаться в способностях на тренировочных сессиях Каз'има, но этим все и ограничится. Всякая надежда на индивидуальные уроки с любым из Мастеров умерла вместе с его унижительным поражением. А без особых наставлений, потенциал его увянет и умрет.

В теории, все в Братстве были равны, но Бэйи был достаточно сообразителен, чтобы видеть реальную правду. На практике, ситы нуждались в лидерах, Мастерах, подобных Каану или Кордису. Сильные всегда впереди; слабым ничего не остается, кроме как следовать за ними.

Теперь Бэйи был обречен стать одним из тех, кто плетется в хвосте. Прожить жизнь в раблепии и повиновении.

Через победу мои оковы рвутся. Но Бэйи не нашел победы, и он слишком хорошо представлял себе оковы рабства, которые скуют его навеки. Он был уничтожен.

Вероятно, было бы лучше, если бы Зирак просто довершил работу.

<http://tl.rulate.ru/book/64861/1715939>